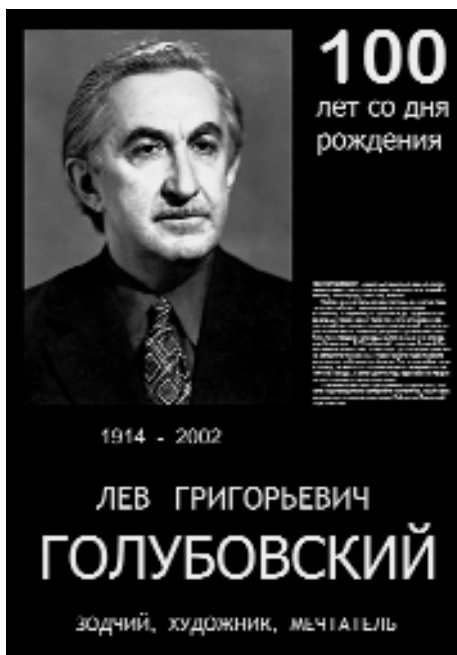

Памяти архитектора Л. Голубовского	1
Мой Ленинград	2
«Перспектива-2014»	2
Приватные занятия архитектора	3
ВВЦ-ВДНХ	3
Юмор	4

Памяти архитектора Льва Голубовского

В мае нынешнего года исполнится сто лет со дня рождения архитектора Льва Григорьевича Голубовского (1914, Ярославль – 2002, Москва). После окончания ИЗО-школы рабочей молодежи в Ленинграде он поступил на работу чертежником в проектную мастерскую Г.А. Симонова, а затем – в мастерскую выдающегося ленинградского зодчего профессора А.А. Троцкого. Эта встреча стала прочным фундаментом его архитектурного образования. Талантливый учитель и талантливый ученик нашли друг друга, что принесло в дальнейшем прекрасный результат: масштабный градостроительный подход, глубокое знание классики и ее современное прочтение, динамика композиций, вкус к объемным, скульптурным изображениям, творческое горение и огромная работоспособность, в том числе и как художника, – вот что по черпнул молодой архитектор у своего наставника. В мастерской Троцкого Лев Голубовский сразу включился в работу над решением общегородского центра на Московском проспекте Ленинграда (третья премия в конкурсе, арх. А.Троцкий и Я.Сверский), комплекса Дома Советов. В одном из последних проектов руководителя, площади перед этим зданием, Л. Голубовский – уже полноправный член авторского коллектива, а вскоре он – соавтор жилого квартала и, совместно с А.Р. Корабельниковым, жилого дома.

Война. Сначала он строил оборонительные сооружения, а в августе 1941-го явился на призывной пункт. Запасной пулеметный полк, куда попал новобранец Лев Голубовский, тушил пожары во время артобстрелов города, а в 1942 году был переведен на Ладожское озеро, где начала действовать знаменитая Дорога жизни. Далее – Карельский перешеек, где старший сержант, архитектор Голубовский в составе 23-ей армии, у границы с Финляндией, служил до конца войны. Но самым ужасным на фронте были не обстрелы и бомбы, а то, что он видел в блокадном Ленинграде во время армейских командировок. Смерть, разрушенные, обугленные человеческие судьбы и прекрасные строения великого города. Смерть нещадно косила и солдат, служивших рядом. Лев боролся за жизнь по-своему: на обрывках бумаг, картонках во множестве появлялись его рисунки тушью, той, которой он чертил карты и планы. Эти рисунки переданы в московский Музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе.

Уже в 1941-ом он начал делать наброски памятника Победы. А тогда, в блокадном Ленинграде Голубовский принял участие в конкурсе на монумент «Дорога жизни», объявленном Союзом архитекторов. Его проект был премирован и отправлен в Москву на выставку «Ленинградские архитекторы в дни блокады». Наконец, долгожданная, выстраданная победа! Торжество, которое испытали ленинградцы, архитектор сумел передать в конкурсном проекте «Прорыв блокады». Это – одно из самых эмоционально насыщенных произведений Льва Григорьевича. Проект также получил высо-

кую оценку, однако не был осуществлен. Разгром фашистов под Сталинградом ознаменовался для зодчего конкурсом СА СССР «Площадь и монумент победы в Сталинграде». В полевых условиях военных будней он начал работу над темой конкурса, и вскоре, по его просьбе, командование отправило его в Ленинград, где коллеги-маскировщики поделились с ним бумагой, подрамниками, и в холодной комнате с выбитыми стеклами он истово трудился над проектом. С ним он поехал в Москву, где его работа в числе других была выставлена в ЦДА. Там же произошла памятная встреча с мастерами Н.В. Томским, Б.Р. Рубаненко и закадычным другом Александром Корабельниковым, который переселился в Москву.

За участие в Великой Отечественной войне Л.Г. Голубовский был награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», орденом «Отечественной войны» 2-й степени и другими многочисленными медалями.

С 1946 года Лев Голубовский – москвич. Вместе с А.Корабельниковым он приходит на работу к Борису Рубаненко (1946–1951). В 1942 году Академия архитектуры начала формировать мастерские для разработки проектов восстановления городов «... Не просто восстановить разрушенное, ... а создать города, ансамбли, здания, еще более красивые и величественные...», – писал в то время президент АА В.Веснин. Мастерская Рубаненко взялась за восстановление Минска (привокзальная площадь и застройка ближайших жилых кварталов). Вместе с А.Корабельниковым был запроектирован и построен жилой дом на Беговой с кинотеатром.

С 1951 года ГАП Лев Голубовский работает в системе ГАПУ Москвы, в мастерской №4 Моспроекта – сначала под руководством В.Г. Гельфрейха, а после смерти мастера – в 1968 году – А.Ф. Хрякова и В.В. Богданова. В общей сложности четверть века. Мастерская №4 занималась застройкой Киевского и Кунцевского районов Москвы. Голубовский и Корабельников создали проект застройки Кутузовского проспекта и Б. Дорогомиловской улицы от Калининского моста до развилки. В этих кварталах ими построены по индивидуальным проектам 25 многоэтажных жилых домов, к одному из которых пристроено знаменитое кафе «Хрустальное» (диплом 1-й степени). Голубовский – участник разработки проекта КДС (1959–1961, под рук. арх. М.В. Посохина), планировки квартала № 95 в Кунцеве (1964, коллектив авторов) и кварталов № 66–67 на Можайском шоссе, кинотеатра «Минск» (1965, коллектив авторов), жилых 14-этажных домов на Украинском бульваре (1969, совместно с А.Корабельниковым), жилого дома на Можайском шоссе (1976, коллектив под рук. В.В. Богданова), Дома правительства в Сухуми и пр.

Признанный мастер скульптурной композиции, Лев Голубовский – автор более 30 монументов и мемориальных произведений, в том числе Н.В. Гоголю на Гоголевском бульваре (1952), А. Туполеву (оба – скульптор А.Томский) и летчику В.Полкову на Самотёчном бульваре (1953, скульптор Л.Кербель), М.И. Кутузову у Бородинской панорамы (1973, скульптор А.Томский), надгробий целому ряду выдающихся людей современности (Гельфрейху, памятные доски Шостаковичу, Мейерхольду и др.).

На многие годы вошла в творчество архитектора тема Войны и Победы. Она воплотилась в его непрерывных поисках, посвященных Парку Победы. По собственной инициативе Лев Голубовский и Александр Корабельников еще в 1960 году (впоследствии под руководством Гельфрейха) начали проектировать этот памятник погибшим и победителям. Сама территория, предшествующая участку мемориального парка, готовила эту тему: монумент «Москва – город герой» в начале Кутузовского, «Кутузовская изба», Бородинская панорама, Триумфальная арка. Первоначально главный монумент задумали как огромное красное знамя, которое нужно установить на самом высоком месте участка. Но территория парка не имела возвышенностей, а холм в преддверии парка закрывал перспективу с Кутузовского проспекта. Это стало предметом множества обсуждений и споров. Уже сов-

местно с А.Козьминым архитекторами были выполнены генплан Парка Победы, макеты, перспективы. Голубовский работал также над рельефами Стен Войны и Мира, фигуры солдата на Знамени Победы. Было представлено несколько вариантов памятника. Только в 1977 году поступил официальный заказ на эскизный проект, который был рассмотрен и одобрен через год. Но дело на этом не закончилось. Неожиданно авторскую группу дополнили известными мастерами, которые вместо того чтобы включиться в разработку принятого проекта, предложили свои варианты. Потом был новый закрытый конкурс, и в результате его победителями стали проекты группы под руководством М.В. Посохина и мастерской №4. По итогам обсуждения в Моспроекте-2 была организована специальная мастерская, куда перешли Голубовский и Корабельников. Наконец, в 1983 году утвердили окончательный вариант (Я.Белопольский, Л.Голубовский, А.Полянский, Б.Рубаненко, скульпторы А.Томский, О. Кирихин, Ю.Чернов и художник Ю.Королев, инж. Ю. Дыховичный). В 1991 году Л.Г. Голубовский, возмущенный долгостроем на Поклонной горе, опубликовал в «Московской правде» статью, в которой с горечью говорил о том, что герои-ветераны никак не дождутся открытия памятного комплекса. Объявили новый конкурс на монумент. Проект «Знамя» стал вызывать сомнения и споры. В результате при Лужкове перед музеем соорудили 140-метровый «Штык» (З.Церетели), и Парк Победы был торжественно открыт. Зная неопределимый вклад Льва Голубовского в работу над проектом и монументами Парка Победы, можно утверждать, что он пережил настоящую драму творца, не увидевшего свое детище осуществленным. Как это нередко бывает, судьба и люди сыграли с архитектором злую шутку: те, кто пришел позже, оказались первыми, а тот, для кого это было делом жизни, и вовсе не упоминается теперь в составе авторского коллектива создателей памятника истории великой войны.

Лев Григорьевич Голубовский, по отзывам сотрудников и близких, был человеком неординарным. Щедро одаренный от природы, получивший прекрасное архитектурное образование и огромный опыт практической работы, он всегда оставался увлеченным, горячим мечтателем, заинтересован-

Памятник М.И. Кутузову в Москве. Скульпт. Н. Томский, арх. Л. Голубовский.

ным в выполнении любой работы на самом высоком творческом и качественном уровне. Этому он учил и своих соратников. Однако он никогда не ограничивался текущей работой. Яркая, многогранная личность с обширными общественными интересами, он выступал как острый публицист. Отечественски относился к молодым коллегам, был чутким и внимательным с ними. И никогда не оставлял художественного творчества. Тему войны, блокадного Ленинграда он называл своей главной темой, которая преобладала в большинстве его прекрасных графических листов, представленных им на 11 художественных выставках.

В ЦДА прошла юбилейная выставка работ архитектора. Кроме проектных работ (включая проекты Парка Победы и Знамени Победы), графики военных лет, монументов, на выставке были показаны его архитектурные фантазии – «Город моей мечты».

Анна Младковская

Проект Парка Победы. 1974..

Мой Ленинград

Навстречу Дню Победы

Сегодня город вернул себе свое историческое название. Это, наверное, правильно. Пусть новые поколения видят и знают его таким, каким создала его история. А я родилась в Ленинграде. Для меня Ленинград – понятие осязаемое. Под Ленинградом в морской пехоте в январе 1942-го погиб мой отец. Здесь прошло моё счастливое дошкольное довоенное детство, время, бесконечно радостных встреч с папой, когда он возвращался из очередного дальнего плавания, привозя мне разные заморские игрушки. Обычно он, высокий красавец, появлялся в элегантном сером костюме с букетом цветов для мамы, но однажды поразил меня, явившись в форме морского офицера с блестящим кортиком в наш двор, где я играла с детьми. И я, зачарованная, тут же не преминула похвастаться: «Это мой папа!».

Мы жили на Литейном в огромной коммунальной квартире с длинным коридором на четырнадцать комнат. Среди них были очень большие, в которых проживали писатели и учёные. Рядом с нашей комнатой жила какая-то известная актриса с сестрой-художницей (мама потом рассказывала, что к ним в то время заходили начинающие ленинградские знаменитости, в т. ч. сама Уланова). Они охотно занимались с нами, детьми, учили рисовать красками, делать красивые макеты. Мы разыгрывали спектакли по сказкам Андерсена. А какие великолепные ёлочные праздники устраивались для детей в дворцах культуры и частных домах! Не перечислю, сколько летних радостей было на даче у бабушки.

И вдруг всё это счастье оборвалось войной и блокадой. Меня словно переместили в другой мир, мир холода, голода, разрыва бомб и снарядов, ужаса ожидания чего-то неизвестного.

Прошла целая жизнь, но я до сих пор, как сейчас, вижу зияющие раны домов, когда доводилось утром после ночной воздушной тревоги выйти на улицу. Вечера ещё ближайший к нам был цел и невредим, а сегодня это руина, остов или полдома, где местами виднеются остатки жилья, куски мебели, детская кукла... Наш большой восьмизэтажный дом с характерными для Ленинграда несколькими смежными внутренними дворами чудом уцелел среди разрушенных соседних – и слева, и справа, и напротив. Воздушные тревоги объяв-

лялись иногда по пятнадцать раз в день, и мы перебрались на время к каким-то людям на первый этаж небольшого дома во дворе, чтобы не спускаться всякий раз в бомбоубежище. При этом каждый разрыв снаряда казался совсем рядом, и мы думали, что нашего дома уже нет.

В начале войны, когда окна ещё не были заклеены бумажными крестами, мы с мамой со страхом выглядывали из них по утрам, боясь увидеть шагающих по проспекту фрицев. Но в лютую блокадную зиму 41–42-го мы старались как можно дольше пролежать в постели: сэкономили силы и чтобы меньше хотелось есть и меньше мёрзнуть. В городе не было ни тепла, ни воды, ни электрического света. А хуже всего был голод. Но для меня тогда самым страшным был один из дней начавшегося января, когда к нам пришёл солдат и сказал, что мой папа погиб. А через две недели пришла запоздалая открытка, где папа поздравлял нас с наступающим 1942-м годом и обещал встречу в надежде на очень скорую победу...

Исхудавшая мама вместе с другими женщинами таскала воду из проруби на Неве, гасила зажигалки на крыше нашего дома и выстаивала очереди за хлебом по норме 125 грамм на человека в день. Не помню, когда повысилась эта норма. Я слышала тогда, что из города исчезли кошки и собаки, а из кожаных ремней варили суп. Помню любимую игру с моим дневным хлебным кусочком. Я делила его на три части и изображала полный обед: первую часть я разводила подогретой на «буржуйке» водичкой. Это был «суп». Из второй части делалась каша – «второе». Третий кусочек, означал десерт. Мне кажется, до сих пор помню вкус этого блокадного хлеба пополам с жмыхом...

В эту, самую страшную, зиму моего детства мы выжили, вероятно, только благодаря другу отца, служившему в порту. Ему удалось уже в марте устроить маму работать на пароход «Вячеслав Молотов» (в нём находился стационар «для поддержки ценных военных специалистов»), а меня привести через весь город на санках и поставить строго начальство перед фактом: «Не оставлять же ребёнка умирать!». Пароход произвёл на меня невероятное впечатление. Шести- или семипалубная громада, пароход-дом. Говорили, что та-

ких, построенных в Голландии, было всего два: этот и «Иосиф Сталин». Меня привели в освещённую ярким электрическим светом каюту, посадили на верхнюю полку, и я попала в сказку. Вошла мама в сверкающем белом фарфурке с уложенной причёской и радостной улыбкой. Впервые за время войны я увидела её такой прекрасной, феей. Мне сразу дали большую кружку с горячей перловой кашей. Кажется, ничего на свете не было вкуснее и тогда, и потом. Всё это я ощущала как самое большое счастье.

Мама целый день допоздна работала на кухне и официанткой, а я бродила по пустым парадным залам, предназначенным для танцев, где в зеркальных стенах отражался розовый закат, и всё вокруг казалось таинственным, заколдованным.

Однажды, играя с мячиком на палубе, я оказалась на корме, где вплотную стояли койки, покрытые чёрными клеёнками. Мячик закатился под одну из них, я нагнулась его достать, а распрямившись, отпрыгнула в ужасе: передо мной торчали жёлтые ноги с растопыренными пальцами. В первое мгновение я не поняла, что это значит, но вскоре узнала, что истощенные, больные дистрофией люди уносили что могли со стола, прятали, копили, чтобы съесть сразу. Порции давали небольшие, изголодавшихся можно было кормить только понемногу, но они не понимали, что большая доза пищи была для них смертельной.

Иногда маму отпускали в город навестить бабушку, жившую с внуками и старшей дочерью на улице Воинова (Шпалерной). Ей разрешалось отнести им что-то от своего пайка. Как-то мама зашла в нашу квартиру на Литейном и узнала, что почти все жильцы умерли от голода. И актриса с художницей. И одинокий старый профессор...

Когда я теперь смотрю по ТВ хронику блокадного Ленинграда, мне становится бесконечно жалко тех, кто умер, и тех, кто выжил.

В Москве я окончила школу и Архитектурный институт. Здесь прошла вся моя жизнь, но Ленинград мне дороже. Не только потому, что его красота мне ближе, а потому, наверное, что, как сказал Маяковский /землю, с которой вместе мёрз (я бы добавила «и голодал»)/, вовек разлюбить нельзя/. Когда первый раз после войны я приехала

в мой город, плакала, как от встречи с родным человеком, ещё не успевшим залечить свои раны. Зато как отрадно было видеть город позднее, возрождённым, когда студенткой я приезжала на двухмесячную практику, и мне удавалось почти ежедневно бегать в «Эрмитаж», а ночью смотреть, как разводятся мосты. Но каждый раз, проходя по любимому Литейному мосту, я опять и опять представляю, как в один из дней осени 41-го мама ездил в сторону Балтийского вокзала за остатками картошки на каком-то дальнем поле. Мы с моей родственницей ужасно волновались, ожидая её возвращения. Ведь мосты сильно обстреливались. Каждый раз, приезжая в Ленинград, я чувствую себя счастливой при виде его Дворцовой площади, Биржи, набережных, мостов и мостиков, проспектов и улиц, всего, что знакомо с детства. Я думаю, что городская архитектурная среда влияет на характер и душу человека, его духовный мир. Живя в Москве, я ее по-своему люблю: Кремль, монастыри, памятники классицизма, модерна.

Но, стоит мне оказаться в Ленинграде, «строгий стройный вид» и «Невы державное течение» как будто успокаивают, приводят в согласие с собой. А вид Петропавловской крепости – символ, опознавательный знак города на всех открытках и буклетах – мне особенно дорог: белыми ночами 42-го я любила подолгу смотреть на нее в иллюминатор каюты нашего «Вячеслава Молотова», когда из-за обстрела порта его переехали к Петропавловке и поставили у набережной напротив.

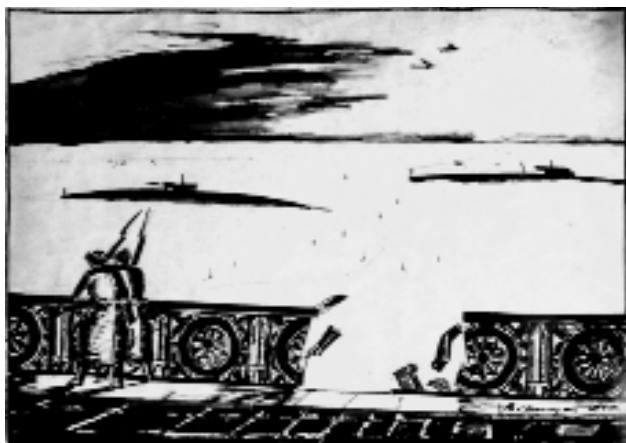
Страшно представить, что высотные башни заморского покроя своей аннексией могут разрушить масштабность и золото пропорций творенья Петра. А ведь у кого-то чешутся руки по примеру Москвы оосовременить северную столицу.

Боже, спаси мой прекрасный Ленинград – Санкт-Петербург от разрушающих коммерческих интересов и амбиций временщиков.

Архитектор И.Л. Коробицына.

Статья проиллюстрирована графическими работами Л.Г. Голубовского, выполненными в блокадном Ленинграде.

Нева. Ленинград. 1943 г.

Атака.

Великомученики.

«Перспектива-2014»

Союз московских архитекторов проводит очередной Всероссийский фестиваль молодых архитекторов «Перспектива-2014», который открывается 14 апреля. Тема этого года – «Гуманизация городских пространств». К участию приглашены дипломированные молодые архитекторы до 35 лет и студенты архитектурных вузов и факультетов. Фестиваль проходит в несколько этапов. В программе: воркшоп, мастер-классы, презентации, лекции ведущих российских архитекторов и экскурсии. Открытие фестиваля состоится в Центральном доме архитектора 14 апреля. С этого времени начнется первый этап фестиваля. После торжественной церемонии открытия будет прочитана вводная лекция, на которой участникам подробно расскажут о плане работ, теме конкурса, территориях для разработки.

Тема нынешнего конкурса – «Золотое кольцо Москвы» – площади вокруг Кремля». НИИПИ Генплана Москвы предложил следующие территории: Боровицкая площадь и улица Моховая, Манежная площадь и улица Охотный ряд, Театральная площадь и Театральный проезд, Лубянская площадь, Новая площадь и Ильинский сквер.

15 и 16 апреля для участников будут проведены экскурсии по этим площадям. 17 апреля состоится круглый стол, на котором приглашенные лекторы расскажут о задаче, стоящей перед конкурсантами, а конкурсанты смогут задать свои вопросы. Основная цель конкурса – разработка концепции развития центральных площадей Москвы как туристско-рекреационной зоны. 18 апреля пройдет рабочее собрание, на котором

участники будут разделены кураторами на группы (или придут со своими группами). В результате у каждой команды появится свой ответственный куратор из числа ведущих московских и российских архитекторов. На этом же собрании за каждой командой будет закреплена одна из предоставленных площадей.

Для иногородних участников, которые не могут сами присутствовать в Москве, на сайте будут выложены видеозаписи вводных лекций и мастер-классов. Все необходимые материалы будут высланы по электронной почте, а взаимодействие с кураторами будет происходить удаленно.

Второй этап состоится осенью. С 8 и по 30 сентября команды должны будут прислать завершённые проекты, после чего жюри

приступит к их рассмотрению и формированию шорт-листа. 13 сентября начнет работу выставка проектов всех участников, а авторы работ, вошедших в шорт-лист, будут приглашены на открытую защиту в присутствии представителей НИИПИ Генплана Москвы. 24 октября состоится торжественная церемония закрытия фестиваля, на которой будут объявлены победители и вручены памятные знаки «Перспектива».

Внимание: срок подачи работ продлен до 13 апреля!

Координатор конкурса – Мария Седова, +7 985 792 45 42, perspektiva2014@gmail.com

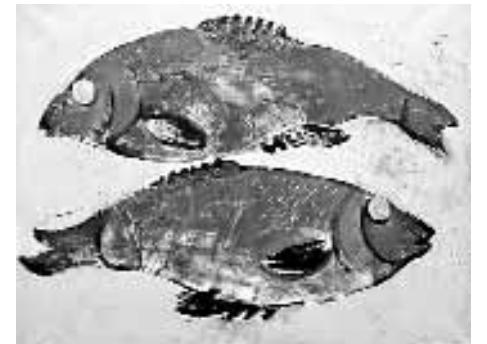
«Николай Шумаков. Приватные занятия архитектора»

27 февраля при небывалом стечении посетителей в Московском музее современного искусства (Петровка, 25) открылась персональная выставка художественных работ Николая Ивановича Шумакова, главного архитектора «Метрогипротранса», президента Союза московских архитекторов, автора целого ряда новых станций Московского метрополитена.

С середины 1980-х гг. по его проектам построены свыше двадцати станций, а также Бутовская линия «легкого метро», монорельсовая транспортная система на севере Москвы. Широко известны его Живописный мост в Серебряном бору, диспетчерский пункт на пересечении улицы Алабяна и Волоколамского шоссе, новый терминал аэропорта «Внуково». Архитектурная составляющая выставки представлена в основном фотографиями основных сооружений Н.Шумакова, кото-

рые присланы москвичами на Интернет-конкурс, объявленный заранее. Однако в центре экспозиции, подчеркнуто названной «Приватные занятия архитектора», 60 живописных работ, созданных зодчим-художником в недавние годы. В основном – это прекрасные портреты современников, очень узнаваемые, проникнутые добрым юмором и явной симпатией к портретируемым – недаром большинство тех, кто пришел на вернисаж, с улыбкой рассматривали работы художника. Рассредоточенные по девяти комнатам третьего этажа главного музейного здания, портреты дополнены натюрморты и ню, графическими композициями. Николай Шумаков – несомненно большой мастер, свободный и полифоничный, его живопись экспрессивна, энергична, остросовременна. Московскую архитектурную среду трудно удивить качественным рисунком, графикой, дизайном. Тем более дорого искренне вы-

сокие оценки его творчества, прозвучавшие из уст коллег. Выставка продлится до 06 апреля 2014 г.

P.S. Фото станций Московского метрополитена были присланы на специальный фотоконкурс, экспозиция работ которого сопровождала выставку Н.И. Шумакова.

Внуково. Фото И. Багушина.

Станция «Маяковская». Фото М. Корсаковой.

Мост «Живописный». Фото М. Обломовой.

ВВЦ-ВДНХ: сохраним, то бишь продадим?

В год своего 75-летия Всероссийский Выставочный центр безраздельно переходит в собственность столицы – и теперь московские власти должны решить, как распорядиться этим «народным хозяйством» в ближайшем будущем. 26 марта сюда приехали мэр Москвы, заммэра Наталья Сергунина, главный архитектор Москвы Сергей Кузнецов и руководитель Департамента культуры Сергей Капков. Мэр пришел к неутешительному выводу, что «территория ВВЦ сегодня превратилась в большой московский и не самый лучший рынок». Поэтому первое, чем планируют заняться власти, – снести или перевести в собственность города все незаконно возведенные на ВВЦ объекты (преимущественно торговые). Хотя пока нет ясности с тем, какую организационно-правовую форму будет иметь новая управляющая организация, на данный момент, по словам заммэра, город владеет 100% акций акционерного общества, которое управляет ВВЦ. В нынешнем марте на выставке недвижимости в Каннах MIPIM-2014 Сергей

Капков заявил, что на концепцию развития ВВЦ будет объявлен конкурс. А у Собянина возникла неожиданная (главное, свежая) мысль: «Наверное, было бы правильно назвать его не ВВЦ, а ВДНХ, вернув прежнее название. Вернув название ВДНХ, мы создадим парк, посвященный успехам Российской Федерации в определенных промышленных отраслях, продолжив тем самым историю выставки». Один потенциальный экспонат для «ВДНХ 75 лет спустя» уже есть – на той же выставке MIPIM было высказано предложение разместить на территории ВВЦ новый архитектурный макет Москвы, который стал «гвоздем» нашего выставочного стенда. После завершения (пока что готово только 70 кв. м из более чем 900 предполагаемых) макет почти наверняка попадет в Книгу рекордов Гиннеса как крупнейший в мире, так что экспонат из него получится более чем достойный. Очевидно, однако, что самый животрепещущий, самый главный вопрос для ВДНХ-ВВЦ – судьба расположенных на его территории 46 объектов культурного

и архитектурного наследия. Как заявил главный архитектор Москвы, никто ничего сносить не собирается (ну, слава Богу!), не планируется и сколько-нибудь масштабной стройки. Большинство памятников требуют немедленной серьезной реставрации (средний износ – не менее 75%). «Кто ею займется и за счет чего, будет известно, когда мы определимся с функционалом каждого здания. Поэтому предстоит разработать сначала функциональную концепцию будущего развития ВВЦ». Предполагаемая схема такова: найти спонсора, который заинтересуется той или иной тематикой (скажем, космической или автомобильной), инвестирует в проект конкретного павильона и займет его на правах арендатора, оплачивая дальнейшее содержание. Вкладывать средства в восстановление «бесхозного» здания вряд ли имеет смысл, потому что в запустении оно снова очень быстро придет в упадок. Несмотря на некоторую туманность судьбы будущего ВВЦ, точно известно, что летом здесь начнутся первые работы по благоустройству. Помимо «зачи-

стки» нелегальных торговых точек, планируется ремонт дорог, налаживание движения транспорта и организация пешеходных зон. Сергей Капков сообщил, что территории ВВЦ и паркового комплекса «Останкино», реконструкция которого закончится в июле 2014 года, возможно, будут объединены. Для этого совместно с Российской академией наук будет подготовлен соответствующий проект. В заключении надо заметить, что в Московской мэрии уже несколько лет пылятся без применения серьезные предложения по возрождению и развитию ВВЦ-ВДНХ в направлении организации на этой исторической территории международного выставочного комплекса (безусловно, при сохранении всех архитектурных памятников и, при необходимости, признания таковыми тех, которые еще не имеют этого статуса). Продавать народное достояние – дело, кто бы спорил, прибыльное. Однако можно было бы и самим потратиться во славу Отечества.

Соб. корр.

Семь признаков того, что вы занимаетесь своим делом

1. Вы можете заниматься делом своей жизни в любое время, при любых обстоятельствах, и при любом самочувствии.
2. Вы погружаетесь в процесс работы моментально и надолго. Сосредоточенность на любимом деле подобна глубокой медитации. Время и все, что происходит вокруг, перестает иметь значение.
3. Вы испытываете постоянную необходимость в стремлении к профессиональному росту и получению новых знаний. Вы участвуете в дискуссиях, связанных с вашим любимым делом.
4. Вы безвозмездно делитесь приобретенным опытом с другими людьми. Ваши знания приходят к вам легко, поэтому вы так же легко готовы делиться ими. Вас не тревожит мысль о том, что кто-то станет лучше вас, используя ваши знания.

5. Вы открыты всему новому. Любимое дело дает вам большой заряд энергии, который вы хотите и готовы тратить на увлекательные дела. Вы открыты к новым знакомствам, путешествиям и экспериментам.
6. Деньги не являются для вас определяющим фактором. Если вы полностью погружены в дело своей жизни, то легко тратите на него значительную часть своих денег. И спустя время любимое дело приносит вам не меньший доход с такой же легкостью.
7. Вы замечаете, что желаемые вами события начинают формироваться сами, а вам остается только наблюдать за удачным стечением обстоятельств. Новые знакомства, творческие идеи и яркие инициативы как будто сами приходят в вашу жизнь.

Крик души Михаила Жванецкого

Апрельские несерьезности

Из «картинок с выставки»
Николая Шумакова.

Наши люди стремятся в Стокгольм (Лондон и т. д.) только для того, чтоб быть окруженными шведами. Все остальное уже есть в Москве. Или почти есть. Не для того выезжают, меняют жизнь, профессию, чтоб съесть что-нибудь, и не для того, чтоб жить под руководством шведского премьера... Так что же нам делать? Я бы сказал: меняться в шведскую сторону. Об этом не хочется говорить, потому что легко говорить. Но хотя бы осознать. Там мы, как белые вороны, как черные зайцы, как желтые лошади. Мы непохожи на всех. Нас видно. Мы агрессивны. Мы раздражительны. Мы куда-то спешим и не даем никому времени на размышления. Мы грубо нетерпеливы. Все молча ждут, пока передний разместится, мы пролезаем под локоть, за спину, мы в нетерпении подталкиваем впереди стоящего: он якобы медленно переступает. Мы спешим в самолете, в поезде, в автобусе,

хотя мы уже там. Мы выходим компанией на стоянку такси и в нетерпении толкаем посторонних. Мы спешим. Куда? На квартиру. Зачем? Ну, побыстрее приехать. Побыстрее собрать на стол. Сесть всем вместе... Но мы и так уже все вместе?! Мы не можем расслабиться. Мы не можем поверить в окружающее. Мы должны оттолкнуть такого же и пройти насквозь, польхая синим огнем мигалки. Мы все кагэбисты, мы все на задании. Нас видно. Нас слышно. Мы все еще пахнем потом, хотя уже ничего не производим. Нас легко узнать: мы меняемся от алкоголя в худшую сторону. Хвастливы, агрессивны и неприлично крикливы. Наверное, мы не виноваты в этом. Но кто же? Ну, скажем, евреи. Так наши евреи именно так и выглядят... А английские евреи англичане и есть. Кажется, что мы под одеждой плохо вымыты, что принимать каждый день душ мы не можем. Нас раздражает чужая чистота. Мы можем харкнуть на чистый тротуар. Почему? Объяснить не можем. Духовность и любовь к родине сюда не подходят. И не о подражании, и не об унижении перед ними идет речь... А просто... всюду плавают утки, бегают зайцы, именно зайцы, несъеденные. Рыбу никто свирепо не вынимает из ее воды. И везде мало людей. Станный мир. Свободно в автобусе. Свободно в магазине. Свободно в туалете. Свободно в спортзале. Свободно в бассейне. Свободно в больнице. Если туда не ворвется наш в нетерпении лечь, в нетерпении встать. Мы страшно раздражаемся, когда чего-то там нет, как

будто на родине мы это все имеем. Не могу понять, почему мы чего-то хотим от всех и ничего не хотим от себя? Мы, конечно, не изменимся, но хотя бы осознаем... От нас ничего не хотят и живут немного богаче. Это не они хотят жить среди нас. Это мы хотим жить среди них. Почему? Неужели мы чувствуем, что они лучше? Так я скажу: среди нас есть такие, как в Стокгольме. Они живут в монастырях. Наши монахи – шведы и есть. По своей мягкости, тихости и незлобности. Вот я, если бы не был евреем и юмористом, жил бы в монастыре. Это место, где меня все устраивает. Повесить крест на грудь, как наши попзвезды, не могу. Ее сразу хочется прижать в улу, узнать национальность и долго выпытывать, как это произошло. Что ж ты повесила крест и не меняешься? Оденься хоть приличнее. «В советское время было веселей», – заявил парнишка в «Старой квартире» по ТВ. Коммунальная квартира невольно этому способствует. Как было весело, я хорошо знаю. Я и был тем юмористом. Советское время и шведам нравилось. Сидели мы за забором, веселились на кухне, пели в лесах, читали в метро. На Солженицыне была обложка «Сеченов». Конечно, было веселей, дружнее, сплоченнее. А во что мы превратились, мы узнали от других, когда открыли ворота. Мы же спрашиваем у врача: «Доктор, как я? Что со мной?» Диагноз ставят со стороны. Никакой президент нас не изменит. Он сам из нас. Он сам неизвестно как прорвался. У нас

путь вверх не может быть честным – категорически. Почему ты в молодые годы пошел в райком партии или в КГБ? Ну чем ты объяснишь? Мы же все отказывались?! Мы ввали, извивались, уползали, прятались в дыры, но не вербовались же ж! Же ж!.. Можно продать свой голос, талант, мастерство. А если этого нет, вы продаете душу и удивляетесь, почему вас избирают, веря на слово. Наш диагноз – мы пока нецивилизованны. У нас очень низкий процент попадания в унитаз, в плевательницу, в урну. Язык, которым мы говорим, груб. Мы переводим с мата. Мы хорошо понимаем и любим силу, от этого покоряемся диктатуре и криминалу. И в тюрьме и в жизни. Вот что мне кажется:

1. Нам надо перестать ненавидеть кого бы то ни было.
2. Перестать раздражаться.
3. Перестать смеяться.
4. Перестать бояться.
5. Перестать прислушиваться, а просто слушать.
6. Перестать просить.
7. Перестать унижаться.
8. Улыбаться. Через силу. Фальшиво. Но обязательно улыбаться.

Дальше:
С будущим президентом – контракт! Он нам обеспечивает безопасность, свободу слова, правосудие, свободу каждому человеку и покой, то есть долговременность правил. А корمهжка, заработок, место жительства, образование, развлечение и работа – наше дело. И все. Мы больше о нем не думаем. У нас слишком много дел.

Опять смешно, или вечно молодой одесский язык

Жена – лежащему на диване мужу:
– Сема, ты таки хочешь чаю?
– Да!
– Так встань и завари!
– Тогда нет.
– Так лежи и не ври!

– Вы не одолжите мне 10 руб до среды?
– А оно мне надо? Я и так плохо сплю.

– Вчера посмотрел передачу про страны Бени Люкса. Удивительно, как этот одесский еврей умудрился скупить пол-Европы?

Письмо из Германии
– Наумчик, здравствуй! Мене здесь в Бундесе сплошной цимес мит компот! Во-первых, я тут получаю три пособия: как безработный, как

беженец и как потомок жертв холокоста, шоб ты так жил.
Во-вторых, тут хороший климат, красивые шиксы и вкусно, хоть и некошерно, кормят.
И в-третьих, Наумчик, у меня замечательная работа – я нашел наших, и вместе мы работаем в крематории. Наумчик, мы сжигаем немцев!!!

Году в 1984–85-м, во время «Пятилетки Пышных Похорон», появился чисто одесский анекдот – на экране телевизора диктор Кириллов в черном галстуке: «Товарищи! Вы будете смеяться, но наша страна таки понесла тяжелую утрату!»

– Шо так плохо живете – тока в одной руке сумка?
– Где ненормальная мамаша этого

мальчика? Он пока тут, она – никто не знает где, а он вырастет и уедет, а ей где потом все это вернуть?

– Лёва, я восхищен вашими чувствами! Вы с Софьей вместе живете уже 30 лет и, тем не менее, гуляя по городу, всегда держитесь за руку!
– Сёма... Если я её отпущу, она обязательно шо-нибудь купит.

Одесса. Старый дворик. В дверь квартиры стучатся грабители.
– Кто там?
– Та не бойтесь! Не гости!

Табличка в зубопротезном кабинете: «Бог дает нам зубы два раза в жизни. А в третий раз за них уже приходится платить».

Сечение

Из репертуара легендарного ансамбля «Кохинор».

Исполнялось в ЦДА, на торжестве, посвященном вручению архитектурного приза «Золотое сечение». Музыка М.Таривердиева из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

Когда Иктин построил Парфенон, тогда фасад не вызывал сомнения. Его соотношения сторон он золотым оправдывал сечением.

У каждого сеченья свой резон, во все века, за всякие деяния... Внедрял сеченья царь Додон кнутом прилюдно, без порток, без сострадания!

Секли нас в детстве папиным ремнём, как правило, в лежачем положении. Оно бывало вечером и днём – сечение, сечение, сечение...

Сеченьям нашим очень много лет. Вся жизнь архитектурные дерзания

мы с гордостью несли на Архсовет, и задницу несли для наказания.

Наш творческий союз – не царь Додон. Улучшить чтобы зодчих настроение, он вспомнил пресловутый Парфенон и Золотое учредил Сечение.

Поэтому работай, не ленись. Профессия вновь станет элитарною, дадут тебе за всё, что сделал, приз из золота, но правда, самоварного.

«Сеченье» – приз не менее велик, чем Нобель со своей банальной премией, Ликуй теперь! Над головою нимб: Свечение! Свечение! Свечение!

Ю.М. Мурзин.
Рисунок автора.